

Кэн мысленно ворчал на Систему.

"Продал запечатывающие гвозди, а взамен получил чертовых ёкайских пятидюймовых гвоздей? Какая разница, раз и то, и другое — гвозди? Система решила вообще не утруждаться?"

Раньше он, пожалуй, отнесся бы к этому спокойнее. Но за полгода усердной учебы волей-неволей станешь чутким ко всякой чертовщине, проклятиям и колдовству.

Кэн не знал, услышала ли его безмолвное раздражение Система, но Дорё уловил тревогу в голосе Сакуи и тут же обернулся к ней.

— Что ты говоришь? Такое действительно возможно? — Дорё изумленно уставился на девушку.
— Но подобное...

Договорить он не успел. Сакуя молча протянула ему оставшиеся талисманы. Из их походного запаса мощные обереги Летящей Птицы и Летящего Огня, которые они так берегли, ополовинились. Дорё нахмурился, вглядываясь в поредевшую стопку исписанной бумаги.

— Проклятье, как же так... — пробормотал он, разглядывая пустые места в пачке. — Но раз вы не смогли пробиться через восточные ворота, значит, выход запечатан?

— Именно так, господин Дорё. Нас поглотил чужой барьер, — ровным, лишенным паники голосом ответила Сакуя. — К тому же Кэн заметил странность. Поместье пустует уже три месяца, однако повсюду горит огонь.

Дорё опешил, словно только сейчас осознав очевидное.

— Верно... В комнате, где я был, тоже теплились светильники. — Он ненадолго задумался, а затем уверенно произнес: — Это дело рук какого-то отступника, чернокнижника. Тварям тьмы свет ни к чему, они прекрасно видят впотьмах. А здесь...

Он опасливо огляделся по сторонам.

— Огни под навесами... Их зажгли нарочно, чтобы приманить живую душу. Но откуда у этого безумца такая дерзость? В столице полно великих мастеров оммёдо, неужели он не боится их гнева?

— Напротив, — Сакуя сощурилась. — Именно этот тихий свет усыпил бдительность стражей. Тем более в канун Нового года...

— Точно, как раз тогда... — Дорё вспомнил события ушедших месяцев.

Фудзивара-но Ёритика навлек на себя немилость незадолго до праздников. Сболтнул лишнего на приеме у императора, за что и поплатился домашним арестом. Ёритика никогда не имел реального веса при дворе — так, мелкая сошка, державшаяся на плаву лишь благодаря громкой фамилии да подвешенному языку. Но высочайший указ о запрете покидать усадьбу отрезал его от мира. Никто не горел желанием навещать опального чиновника, и никого не удивляло его долгое молчание. Лишь месяц назад, когда заговорили об исчезновении посыльных, Оммё-рё забило тревогу. Первые отправленные туда ищейки сгинули бесследно. И только тогда Приказ решил отправить их четверых вместе с Кэном — всего лишь учеником.

— Значит, всё было просчитано до мелочей? — Дорё зло стиснул кулаки.

— И-и что нам теперь делать? — Дотин, казалось, вот-вот разрыдается. — Мы же... мы ведь не пропадем здесь?

— Успокойся. Тварь, сотворившая это, сильна лишь коварством, — Дорё строго посмотрел на младших учеников. — Раз он прячется за столь жалкими уловками, его собственное мастерство невелико. Главное — не поддаваться панике. К тому же, вы забыли о господине Асакуре? Он ведь отправился к холмам за усадьбой.

— Дорё прав, — поддержала его Сакуя, мягко коснувшись плеча трясущегося Дотина. — Что бы господин Асакура ни обнаружил на склонах, он непременно вернется в поместье. Нам нужно лишь дождаться его и выйти вместе. Сейчас наша главная задача — найти Докая, сплотиться и выстоять.

— Верно. Если встретил непреодолимую силу, отступить — не трусость, а мудрость, — вздохнул Дорё. — Запомните раз и навсегда: оммёдзи обязан трезво оценивать свои силы. Если враг тебе не по зубам — беги не оглядываясь. Глупая смерть еще никого не сделала героем.

Эти слова отрезвили Дотина, разом сбив с него спесь, зато Кэн облегченно перевел дух. Больше всего он опасался глупого геройства и приказов лезть на рожон.

— Так мы продолжаем искать Докая? — спросил он, глядя на Дорё.

— Искать придется, — кивнул тот. — Но мы ограничимся только главным покоем — Синдэном — и прилегающими галереями. В глубь поместья соваться не станем.

— Только Синдэн? — Сакуя удивленно приподняла брови. — А где нам укрыться потом?

— В одной из комнат я нашел старые записи, — Дорё приподнял пожелтевший свиток. — Там упоминается заброшенный храм Якуси-нёрай, Будды-Целителя, на территории усадьбы. Кто бы ни сотворил этот проклятый барьер, святая земля храма должна сдержат скверну.

Сакуя тихо вздохнула, устремив задумчивый взор во тьму за окном.

"Храм Целителя? Странно для знатного дома... В нашу эпоху, когда безраздельно правит синтоизм, буддийские алтари у кугэ — большая редкость. Неужели в усадьбе кто-то долго и тяжело болел?"

— Кто знает, — Дорё безнадежно взглянул на блеклое, затянутое маревом небо, где едва угадывался мутный серп луны. — Но сейчас это наше лучшее убежище. Если, конечно, там не поселилась какая-нибудь иная жуть. Идемте, время не ждет.

Главные покои располагались к западу от них. Теперь, когда они шли вчетвером, Дотин приободрился — присутствие товарищей вселяло хоть какую-то уверенность.

Путь до Синдэна не занял много времени, но двигались они крадучись. Твари ночи слетаются на любой шорох и отблеск пламени. Потушить факелы в непроглядной тьме они не могли, а потому оставалось лишь ступать бесшумно, точно тени.

В отличие от мрачного восточного флигеля, главный чертог буквально сиял. Пылающие факелы и светильники заливали галереи ровным, почти праздничным светом. Опасливо переглянувшись, спутники замялись: стоило ли идти туда на поиски Докая?

— Смотрите! Там кто-то есть! — шепнул Кэн.

Он указал на силуэт, замерший в полосе свечного пламени на веранде Синдэна. Словно услышав его голос, фигура испуганно встrepенулась, вскочила и, спотыкаясь, бросилась в глубь комнат, с грохотом захлопнув за собой раздвижную перегородку.

— Это молодая госпожа, — прищурившись, Дорё разглядел мелькнувший подол нежно-лилового кимоно и длинные, стелющиеся по полу шелковые волосы. — Дочь хозяина... её зовут Аяко. Фудзивара-но Аяко.

— Как она выжила в этом кошмаре? — Сакуя недоверчиво сощурилась. — Нужно проверить. Вдруг под личиной благородной девы прячется нечто иное?

— Ты права, — согласился Дорё. — Осторожность не повредит.

Они двинулись вперед. Огромное поместье изобиловало бесконечными коридорами и переходами, так что у дверей Синдэна они оказались лишь спустя несколько минут.

Дверь оставалась плотно закрытой. Дорё шагнул вперед и негромко позвал:

— За дверью... это вы, госпожа Аяко?

По ту сторону испуганно охнули. Услышав шорох поспешных шагов, Дорё поспешил добавить:

— Не бойтесь. Мы — оммёдзи из Приказа Инъ-Ян, присланные разузнать о беде, постигшей вашу усадьбу. Мы — ученики великого мастера Асия Домана. Прошу вас, госпожа Аяко, откройте дверь.

Створка приоткрылась, явив узкую щель. В ней показалось бледное, измученное лицо девушки.

— Вы... вы правда ученики почтенного Домана? — со страхом и надеждой спросила она.

— Да, — Дорё бережно снял с шеи костяной оберег с печатью. — Взгляните, это наш знак отличия.

Девушка долго всматривалась в узоры на кости, словно пытаясь убедиться, что перед ней не морок, и наконец медленно отодвинула перегородку.

— Проходите... Прошу вас. Я — Фудзивара-но Аяко.

При ярком свете свечей её изможденный вид ужасал: ввалившиеся щеки, глубокие черные тени под глазами и мертвенно-бледная кожа. Пошатываясь, она сотворила слабый, вежливый поклон, словно держалась из последних сил.

— Госпожа Аяко, вы в порядке? — Сакуя встревоженно шагнула к ней. В нос тут же ударил слабый, но отчетливый запах гниения, шедший из глубины комнаты.

— Я... я боюсь выходить, — девушка обхватила плечи руками и задрожала. — Стоит покинуть эту комнату, как все вокруг меняется. Стены плывут... А люди... Живые, здоровые слуги в один миг превращались в груды растерзанного мяса! Нет, нет, это слишком ужасно! — Она спрятала лицо в ладонях и беззвучно разрыдалась.

— Успокойтесь, теперь вы в безопасности, — Сакуя мягко обняла содрогающуюся от плача девушку. — Мы выведем вас отсюда. Расскажите, с чего все началось? Вы знаете, кто наложил это проклятие?

— Не знаю... ничего не знаю... — всхлипывала Аяко. — В один из дней в усадьбе зазвучала странная песня. Никто не видел певца, но мотив разносился по всем углам. А потом... Те, кто слышал эти звуки, на следующее утро исчезали без следа.

— Вскоре слуги начали хворать. Матушка забрала Сабуромару и всех зараженных, укрывшись в храме Целителя, чтобы остановить мор. Но зараза продолжала косить людей. Из храма никто так и не вернулся. А потом пропал и отец... Поместье пустело на глазах. Моя верная Ёсико прятала меня, но позавчера она ушла за едой и... больше я её не видела. Я осталась совсем одна...

— Какое несчастье... — искренне пожалел её Дотин. — Значит, теперь...

В этот миг Кэн резко обернулся.

Там, где секунду назад стлался сумрак, теперь стояли двое маленьких детей, облаченных в ярко-алые одежды. Хлопая в ладоши в жутковатом, монотонном ритме, они запели детскими, звенящими голосами странную песню:

*"Ровно палочки сложи, ровно палочки сложи, *

*Тень парчового наряда на циновке задрожит. *

*Барабан в ларец запрятан, где таится жуткий дух, *

*Ягоды шелковицы окропили ложе двух. *

*Прялка шелковую нить из подделки совет... *

*Тихо палочки дрожат, заклиная этот гнет. *

*Гулкий стук запретных палочек раздался из угла... " *

<http://bllate.org/book/18244/1748183>